шихся «боковыми», «вторичными» и т. п., важные фрагменты развития были выключены из философско-исторического анализа. Между тем новейшая эра продемонстрировала, что продуктивную формационную стадию можно эффективно пройти «по-восточному», за счет принципиальной модернизации самой корпоративности и скачка в фазу, где именно «корпорация», а не атомизированный индивид выступает субъектом вещных, товарных связей. Пример Японии, Южной Кореи, некоторых стран ЮВА, по нашему мнению, доказывает, что данный вариант развития — вовсе не отклонение от «западной нормы», а «инобытие капитала» и, следовательно, требует конструирования собственной «чистой модели», нередуцируемой к частнопредпринимательскому (индивидному) капитализму.

А если вдобавок принять в расчет и очевидное отклонение вектора развития современных стран Запада от индивидности к «неокорпоративности» (как авторитарного, так и «саморегулирующегося» типа), то нельзя не признать, что феномен «продуктивной корпоративности» требует самого пристального внимания.

Не меньшего внимания с точки зрения философии истории требует, видимо, и зона «непродуктивной индивидности», остающаяся совершеннейшей «терра инкогнита» в наших, в том числе востоковедных, исследованиях. Конечно, в «случившейся истории» цивилизационное отклонение веера в сторону индивидности в целом совпало с формационным продвижением к продуктивной стадии. Однако философски-исторический анализ не может ограничиваться реализовавшимися альтернативами и должен учитывать возможность отпадения в «непродуктивную индивидность», когда капитал оказывается не в состоянии «пристроить к делу» осколки распадающейся корпоративности потребительско-распределительного типа. Думается, что трудности вхождения афро-азиатских стран (например, Индии) в продуктивную фазу вызваны не столько инертностью цивилизационного (корпоративного) генотипа Востока (пример той же Японии показывает, что это не является непреодолимым препятствием), сколько его утратой, явлениями социальной атомизации, нарастанием «непродуктивной индивидности» пауперско-люмпенского толка.

Деление на Запад и Восток утратит свой смысл

Мне кажется сомнительным выделение восточных обществ в одну категорию. Я не думаю, что можно найти достаточно ясные и четкие признаки, по которым Рим, Спарту и средневековые европейские государства можно отнести в одну группу, а конфуцианский бюрократический Китай, варно-кастовую Индию, города-государства Финикии и монголов-кочевников — в другую. Восток, по-видимому, объединяется отсутствием, а не присутствием определенных признаков. Группа западноевропейских стран смогла совершить прорыв к состоянию, в котором постоянно развивающиеся наука и техника неразрывно связаны с принципиально недогматичными, развивающимися культурой и социально-политическими институтами. Другие такого прорыва не совершили и даже не показывают в своей истории признаков подготовки к оному. Данные общества могут быть выделены не более, чем группа очень разных людей может быть причислена к категории «не гениев», противостоящих выделенным в особую категорию «гениям». Проблема общности Востока — это скорее проблема уникальности Запада, той когорты тесно связанных между собой стран, в которых произошла своего рода «мутация», появилось общество совершенно нового типа. Я не думаю, что можно сейчас дать абсолютно точный и однозначный ответ на вопрос о причинах «мутации», о сочетании обстоятельств, которые были необходимы для прорыва, но, очевидно, громадную роль сыграл фактор религиозный, сказались особенности христианства, религии, таящей в себе колоссальный динамизм, особую «взрывную силу». И хотя обстоятельства появления нового общества были уникальны и произошло это в определенное время (XVI—XVII вв.) и в определенном месте (в Западной Европе, прежде всего — в Нидерландах и Англии), само новое общество,

новый способ человеческого существования имели не локальное, а всемирное, общечеловеческое значение.

Сочетание общечеловеческого и уникального здесь аналогично такому сочетанию в любом открытии. Любое открытие — в сфере науки, искусства, в идейной жизни — уникально. Для него нужны особые человеческие качества и особые обстоятельства (вплоть до пресловутого яблока Ньютона). Но открытие — потому и открытие, что оно имеет общечеловеческое значение. Оно не принадлежит своему творцу, оно усваивается человечеством и вскоре становится общим достоянием.

Все рывки в развитии производительных сил, приводившие к новым формам социальной организации, совершались именно так — в одном или нескольких удаленных друг от друга местах. Так были приручены домашние животные, так возникли земледелие, государство, письменность. Общечеловеческое значение этих открытий отнюдь не в том, что все обязательно должны были самостоятельно прийти к ним. Эскимосы в тундре не могли перейти к земледелию и скотоводству и не могли создать государство и письменность. И это не просто отставание в развитии, ибо, не будь других народов, останься они такими же изолированными, они так и не совершили бы перехода на более высокую ступень развития. Общечеловеческое значение открытий — в том, что, где бы они ни возникли, рано или поздно они приходят ко всем. Человечество, если можно так выразиться, обречено на их усвоение. Все общества или усвоят их, или просто погибнут. Вначале то общество, в котором совершено открытие и которое первым усвоило его, получает преимущество перед другими, распространяя на них свое влияние или даже завоевывая их. Но очень скоро преимущество исчезает, ибо открытие усваивается. «Варвары» могут даже обогнать древние культурные центры и прийти в них завоевателями.

Очевидно, всю историю нового времени мы можем понять, с одной стороны, как развитие, доведение до «логических концов» открытий, совершенных в XVI—XVII вв. в группе западноевропейских стран, с другой стороны, как их усвоение другими обществами. Прежде всего, это «открытие» науки — постоянно действующего механизма совершения все новых и новых открытий. Раз «заработав», этот механизм уже не может остановиться, и хотя сейчас мы все более и более ощущаем не только хорошие, но и страшные следствия его работы, уже ничего сделать нельзя — для исправления причиненных им бед мы обращаемся к нему же. Но наука может развиваться лишь при определенных социальных и духовных условиях, возникших одновременно с ней. «Открытие» науки было неразрывно связано с рядом других «открытий». Это — «открытие» недогматического общества, где нет однозначных, раз и навсегда зафиксированных истин и нет инстанций, устанавливающих такие истины. Это — «открытие» независимости, достоинства личности от передающихся по наследству фиксированных статусов, «открытие» демократического общества. Это — «открытие» свободной экономики, которая может постоянно применять новые и неожиданные научные открытия. Западный мир, совершивший эти «открытия», проделал с XVI—XVII вв. громадный путь — от первых научных опытов до полетов на Луну и Марс, от первых проявлений мировоззренческой терпимости и недогматического мышления до современного правового общества, от первых зачатков сословного равенства до рабочих в парламентах и т. д. Но, пожалуй, еще больший путь был пройден странами Востока.

Новая культура проникает к ним первоначально в форме завоеваний и колониального грабежа. Однако колонизаторы не могут, даже абстрагируясь от всегда присутствовавших, наряду с политическими и меркантильными, гуманитарных интересов, не могут, даже исходя из задач более успешной эксплуатации, не распространять новой культуры. Новая культура проникает и в страны, которым удалось сохранить независимость. Для сохранения независимости, как минимум, нужно было заимствовать европейское оружие. И никто из тех, кто приобретал оружие для защиты своих традиционалистских систем, не подозревал, что оно в конечном счете подорвет традиционалистские системы. Ибо оружие — это и технические навыки, и заводы, а в конечном счете — и демократия, без которой «пушки не стреляют». Колониализм распространил по всему миру европейские ценности, сделал их из европейских общечеловеческими и тем самым подорвал

свою собственную основу. Ибо народ, усвоивший идеи свободы и равенства и одновременно научившийся владеть современным оружием, невозможно держать в колониальном рабстве. Освобождение колониальных народов после второй мировой войны было и отступлением Запада, и его триумфом, окончательным утверждением сформировавшихся на Западе ценностей как общечеловеческих. Начинается великий подъем Востока, лидеры которого стремятся возвышать свои культуры и государства, но возвышают их, исходя из «западных», а теперь уже не западных, а общечеловеческих критериев. Освобождение «развязывает руки» для вестернизации, которая совершается бессознательно, под аккомпанемент националистических барабанов. Никогда англичане и французы не решались на такие глубокие вестернизационные меры, на какие шли националистические правительства. Разумеется, усвоение нового не может не сопровождаться разного рода реакциями. Ценности усваиваются вначале относительно узким верхушечным слоем, который может быть сметен и подавлен поднимающимися низами. Более архаичное и традиционное «низовое» сознание может, сталкиваясь с новыми реалиями и приходя в состояние своего рода идейного шока, порождать самые гротескные квазирелигиозные идеологии и «правого» и «левого» толка. Но как подъем Востока означал одновременно усвоение им сформировавшихся на Западе ценностей, так и подъем народных масс с их традиционалистским сознанием означает в конечном счете модернизацию их сознания. Переход от режима шаха к эпохе исламской революции — это на первый взгляд возвращение средних веков после неудачной попытки верхушечной модернизации. Но одновременно это — пробуждение к общественной жизни ранее «спящих» слоев, это — массовая ликвидация неграмотности, это — подготовка почвы для нового, более глубокого и основательного витка модернизации.

Усвоение новых ценностей — единый и необратимый процесс. Но в разных обществах он сталкивается с разными трудностями, связанными с различными характеристиками этих обществ, и, наоборот, может опираться на разные аспекты культурных традиций. В Японии, в традиционной социальной структуре которой, очевидно, было много сходства со средневековой социальной структурой Европы, усвоение новых ценностей совершилось наиболее быстро и относительно безболезненно. В Индии удивительно легко установилась прочная парламентарная система, ибо современные терпимость и идейный плюрализм здесь накладываются на мощную традицию специфической индуистской идейной терпимости и плюрализма. Но зато в Индии крайне трудно достигнуть освобождения от системы традиционных фиксированных статусов и занятий. Индия — одно из самых терпимых и плюралистических восточных обществ, но одновременно общество с наиболее сильными социальными контрастами и перегородками. Проблемы Китая во многом противоположны. Здесь современное требование равенства, освобождения от наследственно передаваемых статусов выполнить относительно легко, ибо и традиционный Китай — общество исключительно высокой для древности и средневековья социальной мобильности, но идейная терпимость, демократизация общественной жизни даются Китаю трудно. Одним словом, как разные индивиды, сталкиваясь с какой-либо проблемой, ощущают разные трудности, связанные с различием их характеров, так и разные культуры наталкиваются на разные трудности, выполняя требования нового времени, требования современного человечества.

Проблема стадиальности человеческого развития невероятно сложна. Откуда мы знаем, что вступаем из детства в юность или из юности в зрелость? Только потому, что миллионы людей проходили цикл от детства через зрелость к старости. Мы знаем, что росток дуба — это именно росток, только потому, что знаем, что такое взрослый дуб. Но человечество — уникально. Других человечеств нет (или они нам неизвестны). Поэтому мы не можем сказать, какой стадией во всемирно-историческом процессе является этап, начавшийся в XVI—XVII вв. и заканчивающийся в XX в., когда новые ценности завершают свое победоносное шествие по миру. Но ясно, что человечество достигает нового «возраста», в котором столь важное для него деление на динамичный и свободный Запад и традиционный и «фанатичный» Восток, очевидно, утратит свой смысл.